

Дискурсы этики. 2025, 3(27): 39–54

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2025/12/DE2025_3_27_39-54.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2025-3-39-54

УДК 17

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ЭТИКИ

Груздев А. Д.

статья:

поступила в редакцию 03.11.2025

принята к публикации 15.12.2025

опубликована (онлайн) 23.12.2025

© Груздев Алексей Дмитриевич

студент магистратуры Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: gruzdev457@yandex.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация: Статья посвящена обоснованию идентичности как основанию этики. Такая возможность обнаруживается при рассмотрении идентичности из нескольких перспектив, преимущественно благодаря философской экологии (Т. Мортон, Ю. Такер) и авторам, задействующим методологию акторно-сетевой теории (А. Мол, Дж. Ло). Помимо этого, значительным контекстом для данной работы становится социально-политическая проблематика и направленность этики, выраженная наиболее релевантно в области идентичности такими авторами как Дж. Агамбен, Х. Арендт и К.-О. Апель. Немаловажным становится теоретический ход, связанный с «возвратным» поступком по отношению к идентичности, обретение которого становится точкой отсчёта для развития темы и обсуждения перспектив. Этот контекст связывается с рефлексией М. Фуко и

В. Бибихина над античными основаниями идентичности-самости, выраженными в диалоге Платона «Алкивиад I», а также их заинтересованностью в «генеалогическом» методе как основе философского мышления. Значительными также являются позиции по обоснованию актуальности и вымирания как основ этической практики, что обнаруживается в работах экологически ориентированных авторов в связи с их изучением И. Канта и М. Хайдеггера. Заключительный контекст статьи связан с вынесением дела этики как терапии идентичности в условиях понимания смертности и общности мира вкупе с «реабилитацией» не-человеческих существ. Практика этики в контексте её основания в виде идентичности позволяет вынести свободное отношение к многообразию форм жизни и предложить множественные варианты по взаимоотношению с ними как в теоретическом опыте, так и в повседневности.

Ключевые слова: идентичность, философская экология, рефлексивность, актуальность, практики, ответственность, вымирание.

Discourses of Ethics. 2025, 2025, 3(27): 39–54

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2025/12/DE2025_3_27_39-54.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2025-3-39-54

IDENTITY AS THE FOUNDATION OF ETHICS

Gruzdev Alexey

received 03.11.2025

accepted 15.12.2025

published (online) 23.12.2025

© Alexey D. Gruzdev

Master's Student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Correspondence to: gruzdev457@yandex.ru

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: The article is devoted to the justification of identity as a basis for ethics. This possibility is found in the consideration of identity from several perspectives, mainly due to philosophical ecology (T. Morton, E. Thacker) and authors using the methodology of actuator-network theory (A. Mol, J. Law). In addition, a significant context for this work becomes the socio-political problem and orientation of ethics, expressed most relevant in the field of identity by authors such as G. Agamben, H. Arendt and K.-O. Apel. The theoretical course becomes important, connected with a «return» act in relation to identity, the acquisition of which becomes a point of reference for the development of the topic and discussion of perspectives. This context is connected with the reflexion of M. Foucault and V. Bibikhin about ancient bases of identity-self expressed in dialogue of Plato «Alkiviad I» and their interest in «genealogical» method as basis of philosophical thinking. There are also significant positions on the justification of relevance and extinction as a basis for ethical practice, which is found in the works of environmentally oriented authors in connec-

tion with their study I. Kant and M. Heidegger. The final context of the article is related to putting the case of ethics as an identity therapy in conditions of understanding mortality and community of the world together with «rehabilitation» of non-human beings. The practice of ethics in the context of its foundation as an identity allows to assume a free attitude towards the diversity of life forms and offer multiple options regarding their relationship both in theoretical experience and in everyday life.

Keywords: Identity, Philosophical Ecology, Reflexivity, Actuality, Practice, Responsibility, Extinction.

«Возвращение» идентичности

Тема идентичности заслуживает внимательного рассмотрения в опыте не только социально-политическом, но и этическом, и даже более того — в качестве основания этики. Не кажется неправомерным сказать, что вопрос, обозначенный М. Фуко в тексте-интервью «О генеалогии этики», относящийся к актуальности проблемы этики как персонального и ответственного выбора, остаётся и сейчас весомым. С другой стороны, на основании какой из теорий идентичности можно говорить о возможности формирования этики? Вариативность в этом отношении поразительна, но и бедна: большинство из этих концепций остаются в рамках т.н. «метафизики присутствия» или, по словам, Т. Мортон «стандартной западной онтологии: воспроизводим безликих сгустков, украшенных акциденциями» [5, с. 200]. Странным образом самасть идентичности оказывается необнаруженной, пустотной. «Негативность» идентичности подчёркивалась в истории философии неоднократно, более того, это положение стало одним из магистральных для экзистенциализма, который сформировался не только как философское течение, но и как терапия. В данном тексте признание близости этики и терапии становится как исходной позицией, так и перспективой, могущей развиваться в будущем. Предлагается начать с краткого анализа платоновского «Алкивиада I», который покажет, почему в античности «возвращение идентичности» стало не только важным методологическим ходом (что часто отмечается применительно к «майевтике»), но полноценным онтологическим маркером.

Близость терапии как выявления идентичности и её маркеров с формированием знания о «я» именно на основании возникновения, становления и трансформации симптоматики — это значимая тема для понимания «властности» психиатрических, психоаналитических и иных клинических оптик, сформированных к XXI веку. Эта оптика является одной из наиболее часто упоминаемых применительно к Фуко, чей текст яв-

ляется «точкой отсчёта» для данной статьи, однако он не является единственным автором, предпринявшим «генеалогию» формирования субъективности-самости в этическом контексте. Серьёзным вопросом, предвосхищающим понимание идентичности, можно назвать, к примеру, такой: «Стоит ли в поиске фундамента идентичности стремиться к какому-либо научному обоснованию?» Фуко, пожалуй, отвечает отрицательно, хоть и в аспекте незавершённости этого процесса: «Нынешние освободительные движения страдают от того, что не способны отыскать принцип, на основе которого можно было бы построить новую этику. Им нужна этика, но они могут найти лишь этику, опирающуюся на так называемое научное знание о том, что такое Я, что такое желание, что такое бессознательное и т. п.» [7, с. 137]. Можно сказать, что этот поиск не окончен, но предварительные его результаты представляются Фуко убедительными. Близкой к тексту Фуко можно считать позицию В. Бибихина, в особенности применительно к прочтению диалогов Платона «Политик» и «Алкивиад I».

В отличие от экзистенциальной традиции, которая оперирует негативностью, и Фуко, и Бибихин стремятся к, если так можно выразиться, «позитивной генеалогии»: «Мои взгляды гораздо более близки взглядам Ницше, нежели Сартра» [7, с. 143]. Очевидная негация экзистенциализма является той оптикой, которая воспроизвела, быть может, наиболее отчётливо, опыт небытия применительно к существованию, но она не является той позицией, на которой стоит остановиться или принять её в качестве исходной. Неслучайна общая заинтересованность Фуко и Бибихина в такой критике: разбирая понятие *auto to auto* (в переводе «самое само») в диалоге Платона «Алкивиад I» они приходят к схожим выводам касательно человеческой идентичности: Платон в стремительном раскрытии положений говорящих показывает, насколько человек буквально «вдвинут» в это пространство полной неопределённости, когда каждый момент есть риск не отделяться границей незнания и исчезновения, и, таким образом, вернуться к состоянию Алкивиада в начале диалога, не имея шанса для собственно своего. Своё как то, что в строгом смысле, не является принадлежностью, и поэтому не может быть определено через пользующегося им, — скорее, можно говорить о том, что

из своего возможно нахождение соотнесённости с чем-то, собственность появляется благодаря мере своего. «Наука незнания», как называет Бибахин такое обращение, в определении заключает отношение к готовности принять решение, которое по происхождению неизвестно, не ограничено своим. Параллель обоих авторов обнаруживается в нахождении «возвратного» поступка, который осуществляется в проведении такой методологической границы, при этом и Бибахин, и Фуко помещают эту «школу» в *bios* человека, его существование как то, что позволяет говорить об историчности, связанности с событием. «Возвратный поступок» — это та практика, которую осуществляет Сократ в разговоре с Алкивиадом, то, что он делает, «разбирая завалы» в его сознании. Итогом становится одновременно и признание Алкивиада самого себя в качестве незнающего и то, что он обнаруживает себя вовлечённым в историю, во время.

Таким образом, идентичность — это, во-первых, то, что необходимо «вернуть»: и методологически, и ситуационно. Образ этики здесь формируется прежде всего в антропологическом контексте: не представляется возможным говорить, что установление идентичности зависит от какой-либо институции [2, с. 26] или правила-алгоритма. Однако возвращение идентичности не происходит путём апелляции к «здравомыслию» или «естественности», как это показал разбор платоновского «Алкивиада I». Необходимым условием возвращения можно назвать рефлексивность, приобретаемую как в отношении метода, так и в этике. Важным примером в этом контексте можно считать работы Дж. Агамбена и Х. Арендт, которые показали, что понятие «гражданина» и человека вообще в условиях национальных государств возможно только при наличии социального статуса. Очевидная проблемность понимания идентичности как корреляции (человек, таким образом, приравнивается к набору определённых документов) возникает при стремлении обосновать идентичность социально. Похожую проблематику показывает и феминистская эпистемология, и проблема взаимодействия клинических институций с людьми, чья самость не является установленной. На данном этапе рассмотрения необходимо с вниманием отнестись к тем

теориям идентичности, которые представляют её не в виде соотносённости с какими-либо критериями, но относят этот вопрос к позиционированию в актуальности. Данный вопрос отсылает к просвещенческой проблематике, поставленной Фуко как мышление об актуальности. Неслучайно, что именно Кант для Фуко выступает основным «апологетом» такой рефлексии: введение им разграничения публичного и частного разума в эссе «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?» является важным условием для понимания идентичности как основания этики.

Однако более симптоматичным представляется эссе Канта «Конец всего сущего», где основание этики намечается в контексте вымирания. По словам Ю. Такера, мыслить вымирание как то, что «подчёркивает» человеческую и не-человеческую идентичность в её непосредственной связанности с этикой предлагает именно Кант, так как любое представление вымирания будет ориентироваться на моральные принципы, составляющие нашу актуальность. В этом свете проблематика идентичности как основания этики уточняется: попытка сформировать такой опыт может быть произведена из понимания идентичности, которая включает и не-человеческих существ как тех, кто принадлежит к общему миру и разделяют «климатологический мистицизм» [6]. Следовательно, условием этики может быть не-антропоцентричная идентичность, формирующаяся не только на основании вымирания, но и как оптика взаимодействия с другими формами жизни, то есть позитивно.

Сродность с другими

Рассмотрение идентичности в качестве основания этики на данный момент основывается на трёх контекстах рефлексии: во-первых, понимание идентичности как того, что проходит методологическую проверку и возникает по образу «возвращения», во-вторых, в условиях актуальности, и, в-третьих, благодаря введению вымирания как того поля, которое включает другие формы жизни в оптику идентичности. Дальнейшее следование такому пути предполагает обращение к работам М. Хайдеггера. Разграничение им умирания как «околевания» (в переводе Библихина) и вымирания (согласно Ю. Такеру) объясняет интерсубъективность идентичности и её этический «потенциал». Более того, говоря о такой

дихотомии, необходимо упомянуть и разделение «подручного» и «наличного» бытия, что важно для понимания того, как трансформируется объектность и темпоральность в современной объектно-ориентированной философии. Выводя идентичность из её «подручного» характера, обнаруживается, что её «наличие» не связано с какими-либо критериями, как было показано выше, но также и не обосновывается «das Man». Это понятие, переведённое Библихиным как «люди», не относится ни к социологическим терминам, ни к строго этическим. Следуя такой интерпретации, das Man оказывается принадлежащим к виду. В этом аспекте позиции Библихина и Такера сходны: «Люди. Das Man. Люди совершенно хорошо знают, что они смертные, и вот для людей не эта вещь, смерть, о которой мало думают, потому что это философия, а — так называемое реальное <...> Загадочные вещи, которые говорили Гераклит и Сократ о смерти, не услышаны. Или тоже загадочное августиновское: «не знаю, смертная ли это жизнь или живая смерть» [3, с. 302].

Постановка вопроса об идентичности, таким образом, задевает проблематику определения живого и возможного его разграничения с неживым: «Смерть — это не просто конец индивидуального существования, а скорее, наивысшая точка, обязательное условие исполнения Dasein» [6, с. 132]. Вымирание связано с исполнением Dasein и с видом, но не как с множеством, а как с перспективой или горизонтом понимания идентичности. Вид формирует границы идентичности не только в опыте актуальности и вымирания, но и в условиях повседневности, так же как и «люди» становятся ориентиром для поведения, не являясь ни количественно измеримыми, ни персонифицированными. Мышление о виде в такой оптике можно обнаружить и у Т. Мортонa, который предлагает понятие «субцендентность» [5] для описания того, каким образом можно быть причастным к виду, не оказываясь при этом редуцированным к какому-либо набору признаков, но сохраняя конкретность. Субцендентность проясняется в отношении «меньше чем», показывая, что конкретные идентичности являются не полностью исчерпываемыми в каком-либо режиме доступа к ним, но конкретно осуществляю-

щимися в той или иной ситуации, что будет рассмотрено в части о применении акторно-сетевого подхода.

Этот ход позволяет показать, что идентичность действительно перспективна именно в качестве этического основания, так как для Мортонa важнейшим пунктом является именно отношение к другим формам жизни, выстраивание новых практик их понимания и сосуществования. Он расширяет свой категориальный аппарат, называя общую топикку идентичности «сродностью» [5], что является важным и в контексте данной статьи, так как уже названный «позитивный» способ определения идентичности может быть показан из этой перспективы. Сродность является свойством родового существа, не в смысле таксономии, а по опыту соотнесения себя с другими, нахождение себя в историчности, как это было в «Алкивиаде» Платона, с той лишь разницей, что такое признание распространяется шире, на другие формы жизни.

Таким образом, идентичность как основание этики обнаруживается преимущественно в т.н. «философской экологии», благодаря которой можно говорить о том, что идентичность перестаёт мыслиться как некая переменная с набором измеряемых данных, но получает статус непостоянного маркера живого в общей призме вымирания и актуальности. Насколько важна и действенна такая фокусировка и постановка проблемы? Представляется, что здесь стоит наметить несколько пунктов. Прежде всего, говоря об идентичности, желаемый образ которой намечается в рамках представленной модели, стоит вернуться к ракурсу социально-политической проблематики, а именно к формированию нового типа ответственности. Ответственность, предполагаемая экологической философией, напрямую соотносится с раскрытием «гиперобъектности», то есть с изменением представления не только о человеческом доступе, но и к темпоральности. Гиперобъектами, например, являются не только специфические понятия экологии: биосфера, антропоцен, климат, вымирание и т.д., но и категория ответственности. Показательными в этом отношении выступают теории, представленные Х. Арндт и К.-О. Апелем: объединяя их, можно сказать, что возникающий образ ответственности связывается с несколькими пунктами: отсутствием полного контроля над конкретной ситуацией, изменением понимания сво-

его членства в коллективе (то есть напрямую с идентичностью) и с возможностью изменять и распределять возникающую индивидуальную ответственность не только на институциональном уровне. Апель ставит мотивацию такого типа ответственности радикально: «Рациональное обоснование со-ответственности, по моему мнению, не может быть дано ни одной из классических позиций постконвенционального обоснования морали — ни этикой утилитаризма, ни деонтологической этикой в духе классического кантианства, и уж, конечно, ни неoarистотелевской этикой, ни комунитаристской этикой ограничения отдельной этической традицией» [1, с. 51]. Членство в коллективе с идентичностями-корреляциями, действительно, не предполагает возможности для того, чтобы объяснить такой образ ответственности, но в рамках экологического «плавления» это может быть продуктивно: «ситуативность» этики дискурса, о которой говорит Апель, совпадает и с эпистемологической (Д. Харауэй, Б. Латур), и с онтологической (Х. Арендт, Дж. Агамбен, Т. Мортон) проблематикой идентичности.

Сродность с другими

В качестве последнего этапа рассмотрения можно перейти к более подробному описанию методологии, которая может быть предложена в такой перспективе этики и идентичности. Немаловажным здесь окажется влияние акторно-сетевой теории, которая выступает скорее не строго определённой школой единомышленников и практиков, но общей фокусировкой того, как мыслить и делать идентичность в связи с научными сообществами. В работе «Воплощенное действие, осуществлённые тела: пример гипогликемии» А. Мол и Д. Ло показывают связность идентичностей в контексте заболевания на основе переводимости разных «языков»: данных измерительных приборов, наблюдений пациентов и врачей, собственных этнографических рассказов. Это исследование помогает достичь рефлексивного характера по отношению к восприятию телесности. Вывод таков: «Артикулируя то, как она действует, и учитывая эффекты своих действий, медицина сможет встать лицом к лицу с собственной трагической чертой: медицинские вмеша-

тельства едва ли приводят к чистому улучшению вдобавок к нескольким неудачным “побочным эффектам”, вместо этого они привносят меняющийся на бор напряжений. Если мы говорим так, то может показаться, будто мы предлагаем медицинской рефлексии сделать этнографический поворот. Так и есть». [4, с. 256] Этот опыт призван зафиксировать следующее: нет телесности, которая может быть установлена в качестве неизменной или желаемой, но есть множественность восприятия тел, которая наблюдается и переживается не только в количественном отношении, но и в качественном. Возникновению у этнографов «многоголосого» исследования — это та перспектива идентичности, которая может быть перспективна и для этики: Мол и Ло обращают внимание прежде всего на большое количество напряжений, которые возникают между разными способами и теориями в отношении тел и идентичностей. Таким образом, диабет не исчерпывает идентичность человека даже в отношении медицинского осмотра: «Они могут работать в дорожной службе, в совете директоров или с классом детей. Они могут влюбиться или разлюбить, испытывать депрессию или болеть гриппом, ездить в отпуск, работать в саду, ходить в магазин или сдавать экзамены» [4, с. 254]. В итоге возникает термин «конфигурация» как та перспектива, которая позволяет мыслить и делать тело как связанное целое с «полупроницаемыми границами». Метод множественности рассказчиков в контексте телесности важен и для этики в том отношении, что способность фиксировать идентичности таким образом значительно расширяется: «Наконец, хороший анамнез рассказывает о ситуации пациента языком, перемещающимся от уровня сахара к карьерным амбициям, дозам инсулина, любовной жизни, пережитым операциям, потреблению насыщенных жиров, характеру — и при необходимости обратно. Почему бы не рассказывать истории о медицине так же?» [4, с. 257].

Внимание к практическому осуществлению идентичности в контексте телесности позволяет заметить и присутствие других форм жизни как постоянно действующих в рамках тех «понятий», что представлялись привилегированно человеческими, например, «тело». Успешное их понимание уже не может быть представлено как апелляция к безличной и внешней «природе», которая возникает на горизонте человеческого

доступа или нуждается в определённом отношении, чтобы продолжить своё существование. В этом отношении позиция Латура представляется убедительной и ориентированной непосредственно на идентичность: отказываясь от понятия «природы», мышление располагает к тому, чтобы не заключать оппозиции между идентичностями и, соответственно, предложить модель гражданства, которая основана на иных принципах.

Сродность с другими

Вместо заключения кажется важным очертить поле, которое было продемонстрировано в виде тезисных перспектив исследования. Идентичность в качестве основания этики может быть предложена не только по отношению к определённым институтам (что важно в контексте проблематики политической философии), но и как личностное измерение. Что под этим подразумевается? В первую очередь, учитывая, что разработка этой статьи велась преимущественно в оптике «философской экологии», стоит упомянуть о концепте Мортонa, который важен в понимании возможных задач этики. Понятие *ecotrauma*, которое даётся им в одном из интервью, объединяет, с одной стороны, методологию мышления об общности и сродности мира и, с другой стороны, практику этики, которая Мортонem разбирается подробно в книге “Hell: In Search of a Christian Ecology” в особенности в связи с обоснованием модели Фрейда. Он подытоживает: «If human beings are going to work genuinely and effectively on the climate crisis, they are going to need to work at a psychological level so profound that perhaps only religions have discovered the intensity with which these tasks are to be carried out» [8]. Стоит отметить, что такой тезис необходимо понимать именно в связи с психоаналитической оптикой, и, в частности, с книгой Фрейда «Человек Моисей и монотеистическая религия». Фрейд для Мортонa — не только практикующий и актуальный врачеватель, он ещё и тот автор, кто радикально усомнился в возможностях обоснования какой-то совершенно автономной человеческой практики, потому его текст — это выражение «гиперобъектности» путём психоаналитической экзегезы. Человек радикально остался древним, его ведут праотцы и, шире, тот праотец, что

распоряжается им. Мортон демонстрирует это из экологической (для данной работы — и этической) перспективы вымирания, Фрейд — из понимания первобытного ужаса. Травмированность, получаемая путём знания о смертности, выраженная благодаря Фрейду, у Мортонa закрепляется как «экотравма», которая не может быть прояснена в том способе получения информации о Земле, который сейчас преобладает. Перегруженность данных о таймерах, таблицах, диаграммах вымирания — свидетельство всепроникающей тревоги апокалиптического характера, но её снятие возможно именно благодаря принятию смертности, не попытками её отсрочить или нивелировать. Интенсивная интенциональность в феноменологии Мортонa направлена на разбор оснований экзатичности не только человеческого существования ввиду неизбежности умирания, и может стать оптикой или опытом не только для разработки рациональности, но и для практики той терапии, которая сейчас находится в положении привилегированно человеческой.

Список литературы

1. Апель К.-О. Понятие первичной взаимответственности // *Философия без границ*. Сб.ст. М., 2001. С. 47-69.
2. Аронсон Д.О. (Де)конструирование идентичностей и границы этики // *Этическая мысль*. 2018. №2. С. 22-32.
3. Биbihин В.В. Ранний Хайдеггер: материалы к семинару. М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2008. 536 с.
4. Мол А., Ло Дж. Воплощенное действие, осуществленные тела: пример гипогликемии // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2017. № 2 (117). С. 233-262.
5. Мортон Т. Род человеческий: солидарность с нечеловеческим народом. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 352 с.
6. Такер Ю. В пыли этой планеты. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 184 с.
7. Фуко М. О генеалогии этики // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2008. №2. С. 135-158.
8. Morton T. On Ecotrauma. [Электронный ресурс] URL: <https://thereader.mitpress.mit.edu/timothy-morton-on-ecotrauma/> (Дата обращения: 21.10.2025).

References

1. Apel' K.-O. (2001). *Ponjatje pervichnoj vzaimootvetstvennosti* [The Concept of Primary Mutual Responsibility] // *Filosofija bez granic*. Sb.st. M. Pp. 47-69.
2. Aronson D.O. (2018). *(De)konstruirovanie identichnostej i granicy jetiki* [(De)construction of Identities and the Limits of Ethics] *Eticheskaja mysl'*. No 2, Pp. 22-32.
3. Bibkihina V.V. (2008). *Rannij Hajdegger: materialy k seminaru* [The Early Heidegger: Seminar Materials]. M.: Institut filosofii, teologii i istorii Sv. Fomy. 536 p.
4. Mol A., Lo Dzh. (2017). *Voploshhennoe dejstvie, osushhestvlyennye tela: primer gipoglikemii* [Embodied Action, Enacted Bodies. The Example of Hypoglycaemia]. *Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos»*. No 2, Pp. 233-262.
5. Morton T. (2022). *Rod chelovecheskij: solidarnost' s nechelovecheskim narodom* [Humankind: Solidarity with Non-Human People]. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. 352 p.
6. Taker Ju. (2017). *V pyli etoj planet* [In the Dust of This Planet]. Perm': Gile Press, 2017. 184 p.
7. Fuko M. (2008). *O genealogii etiki* [On the Genealogy of Ethics: An Overview of Work in Progress] *Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos»*. No 2, Pp. 135-158.
8. Morton T. On Ecotrauma. URL: <https://thereader.mitpress.mit.edu/timothy-morton-on-ecotrauma/> [Accessed: 21st October 2025].